

Трудное возрождение политической оппозиции в России

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 341
Сентябрь 2014

Владимир Гельман
Европейский университет в Санкт-Петербурге/ Университет Хельсинки

В 2000-х гг. большинство экспертов считало роль политической оппозиции в России в лучшем случае периферийной. Однако на гребне протестной волны 2011-12 гг. оппозиционные акторы и движения вернулись на политическую арену. Какие факторы способствовали такому развитию событий? Каким образом оппозиция отвечала на основные вызовы и пыталась разрешить противоречия в своих рядах? Каковы её перспективы в настоящем и ближайшем будущем? Данная записка представляет собой анализ политической эволюции оппозиции в современной России. Рассматриваются основные организационные и стратегические проблемы оппозиции, особое внимание уделяется проблеме поддержания «негативного консенсуса» против всё более ужесточающегося авторитарного режима.

Возвращение оппозиции?

В середине 2000-х гг. уменьшение роли оппозиции в политической жизни России было столь резким и очевидным, что статья под названием “Политическая оппозиция в России: вымирающий вид?” не встретила особых возражений. В то время влияние оппозиции было, в лучшем случае, периферийным.¹ «Единая Россия» доминировала в законодательных органах власти. Оппозиция не имела практически никакого влияния на процесс принятия решений, а оппозиционные партии и кандидаты получали лишь ограниченное количество голосов на (нечестных) выборах. По сути дела, политическая оппозиция в России была загнана в гетто, и оценки наблюдателей по поводу перспектив её возрождения были мрачными.

Однако в 2011-2012 гг., в результате собравших сотни тысяч человек протестов в Москве и в других городах, российская оппозиция смогла умножить свои ряды, сменить состав лидеров и активистов, обеспечить «негативный консенсус» против правящего режима и выдвинуться на передний план российской политики. Оппозиционные активисты стали легитимными акторами избирательного процесса, и некоторые из них даже смогли получить достойное количество голосов на региональных и местных выборах. Голос оппозиции в публичном пространстве зазвучал громче, и Кремлю пришлось запугивать

¹ Vladimir Gelman, “Political Opposition in Russia: a Dying Species?” *Post-Soviet Affairs* 21, 3 (2005), 226-46.

оппозиционеров и их потенциальных сторонников вместо того, чтобы просто игнорировать их.

Вместе с тем российская оппозиция по-прежнему далека от достижения своих целей. Она остаётся крайне разобщённой, что открывает Кремлю возможности для применения тактики «разделяй и властвуй». Власть подавляет ее различными способами, и при этом оппозиция до сих пор не смогла выработать чёткой позитивной повестки дня.

Как выйти из гетто: путь оппозиции

В современной России, как и в других странах с недемократическими режимами, термин «оппозиция» используется в самых различных контекстах. Настоящий анализ ограничивается тем, что принято рассматривать в качестве «несистемной оппозиции», включающей те организации, движения и/или тех политиков, которые ставят своей целью смену авторитарного режима тем или иным способом. В данном отношении «несистемная» оппозиция является демократической вне зависимости от идеологических установок её отдельных сегментов. Её важным отличием от «системной» оппозиции является то, что системные акторы могут выступать против каких-либо конкретных политических мер, но не расположены бороться за смену режима как такового. Системная и несистемная оппозиция не изолированы друг от друга, они нередко связаны между собой. Однако их стратегии значительно различаются: первая служит попутчиком и младшим партнёром правящих групп авторитарного режима (несмотря на то, что риски нелояльности с ее стороны отнюдь не нулевые), в то время как вторая позиционирует себя в качестве его однозначного противника.

Как это часто происходит, возрождение российской политической оппозиции в 2010-х гг. стало результатом тех изменений, которые не имели прямого отношения к оппозиции как таковой. Отчасти оно это было связано с изменившимися политическими возможностями во время промежуточного президентства Дмитрия Медведева, а отчасти стало побочным эффектом сделанного самой оппозицией стратегического выбора.

Важную роль в переходе латентного общественного недовольства в открытую форму сыграл эффект смены поколений. Разногласия между «отцами» и «детьми», являющиеся постоянной характеристикой российского политического ландшафта, в очередной раз актуализировались тогда, когда выросшие в 1990-х и 2000-х гг. представители постсоветских поколений вышли на авансцену политики. Этим новым активистам оказалось легче найти негативный консенсус против авторитарного режима со своими идеологически далёкими товарищами по борьбе. В то время как в лагере правящих групп возможности смены руководства были заблокированы, новые лидеры в лагере оппозиции давали ей шансы на возрождение. Во время массовых протестов 2011-2012 гг. оппозиционные лидеры старшего поколения оказались в тени своих младших соратников. Этот процесс символически завершился в 2013 году, когда оппозиционная партия РПР-ПАРНАС, сопредседателями которой являлись 53-летний Борис Немцов и 55-летний Михаил Касьянов, выдвинула 37-летнего Алексея Навального своим кандидатом на выборы мэра Москвы.

Вторым важным фактором, способствовавшим возрождению российской оппозиции, стала программа «модернизации», которую Медведев провозгласил во время своего президентства. Хотя данная программа состояла из набора хаотичных и неэффективных полумер, ей сопутствовали громкая либеральная риторика, а также ряд попыток Кремля продемонстрировать открытость процесса принятия решений, поощрение общественного участия в подготовке политических рекомендаций и более «прогрессивный» стиль управления. Ослабление давления со стороны властей на гражданское общество вкупе с некоторыми попытками диалога с общественностью создали возможности для гражданских инициатив, расширявших возможности продвижения оппозицией своей повестки дня и позволивших их лидерам заявить о себе громче без риска быть заклеяемыми в качестве «врагов». Прежняя закрытая структура политических возможностей сменилась частичной и иллюзорной либерализацией, которая стала толчком для политизации гражданского общества, ставшего средой для новой оппозиции.

Третьим фактором, способствовавшим возрождению российской политической оппозиции в 2010-х гг., стали крупные изменения в ее политической стратегии: она не только сменила стиль своей критики в адрес режима, но и полностью пересмотрела свою повестку дня. Краеугольным камнем сопротивления режиму в целом теперь стал новый популизм. Оппозиция обвиняла правителей страны в неэффективности, коррумпированности, неспособности и нежелании добиться изменений к лучшему. Несколько антикоррупционных кампаний, инициированных Навальным и другими активистами, отражали растущий запрос общества на перемены, а также создавали основу для сотрудничества между различными группами критиков режима. Кампания против «жуликов и воров» в России 2010-х способствовала достижению негативного консенсуса по отношению к режиму среди оппозиции и внутри общества в целом. Он распространился поверх организационных и идеологических границ, выступая минимальным общим знаменателем в том, что касается требований политических изменений. Противодействие популистской стратегии оппозиции является сложной задачей для любого авторитарного режима. В России режим предпочёл не использовать широкомасштабные репрессии, а положиться в основном на информационные манипуляции, в то же время покупая лояльность своих сограждан.

Эти три источника изменений в оппозиционном лагере – смена поколений, расширение политических возможностей, переход оппозиции к популистской стратегии—соединились во время протестов 2011-2012 гг. и усиливали друг друга. В то время как Кремль недооценил вызов со стороны оппозиции, последняя смогла захватить инициативу в ходе кампании парламентских выборов 2011 г. Тактическое голосование за «любую партию кроме Единой России» оказалось эффективным способом политизации значительного числа избирателей, а крупномасштабные махинации в ходе голосования стали толчком для массовых протестов. Их размах оказался неожиданностью как для Кремля, так и для оппозиции: даже в самых смелых своих мечтах лидеры последней не могли себе вообразить десятки тысяч протестующих на московских улицах, чьи лозунги варьировались от требований честных выборов до «Путин, уходи!». Волна протестов положила конец прежнему маргинальному статусу оппозиции и создала условия для ее перехода в новую роль. Но эти перемены спровоцировали многочисленные «болезни

роста» российской оппозиции и повлекли за собой новые вызовы, на которые зачастую давался не лучший ответ.

По ту сторону негативного консенсуса

Не будет особым преувеличением утверждать, что оппозиция в период массовых протестов 2011-2012 гг. стала жертвой собственных успехов. Она была плохо подготовлена к решению новых задач в организационном и стратегическом плане, а также имела мало опыта и ограниченные возможности для взаимодействия. Развитие событий тогда было столь быстрым, что оппозиция не имела ни времени, ни ресурсов для того, чтобы одержать победу над режимом. Последнему удалось избежать рисков дезертирства элит, и даже системная оппозиция отказалась сотрудничать с протестующими. Стратегия несистемной оппозиции заключалась в том, чтобы укрепить положение всех политических партий, кроме «Единой России», однако сами эти партии не имели стимула поддержать направленные против режима протесты: в случае отстранения Путина от власти системная оппозиция могла бы не выжить после смены режима. Наконец, ставшие результатом мобилизации через Интернет и социальные сети протесты не переросли одноразовых акций и не вылились во что-то более устойчивое и продолжительное.

В этих условиях Кремль относительно легко сумел перехватить инициативу. Оппозиция не смогла противостоять «закручиванию гаек» властями, ужесточившими юридические нормы и прибегнувшими к публичной дискредитации своих противников. Тем не менее, протесты 2011-2012 г. имели результатом либерализацию правил регистрации политических партий и кандидатов. Оппозиция применяла два различных подхода для поддержания мобилизации: сторонники уличных протестов пытались увеличить численность демонстрантов, тогда как критики этой стратегии настаивали на том, что единственными жизнеспособными стратегиями являются партийное строительство и борьба на выборах. В конечном счете, оба этих подхода потерпели фиаско: массовые протесты довольно быстро исчерпали себя, тогда как региональные выборы принесли оппозиции лишь ограниченный успех.

Тем не менее, даже такой успех оказался для Кремля неожиданным. В то время как власти рассчитывали на то, что оппозиция получит лишь отдельные места в региональных парламентах, на многих местных выборах пользовавшиеся официальной поддержкой кандидаты проиграли своим оппозиционным конкурентам. В апреле 2014 г. пятеро кандидатов на пост мэра Новосибирска, поддержанных как системными, так и несистемными группами оппозиции, образовали альтернативную предвыборную коалицию, сплотившуюся вокруг члена Коммунистической партии РФ Анатолия Локтя, которому, в конечном счете, удалось выиграть выборы мэра. На выборах мэра Москвы в сентябре 2013 г. кандидат от «партии власти» Сергей Собянин рассчитывал на лёгкую победу, так как его основной конкурент Алексей Навальный поначалу имел лишь ограниченную поддержку. Именно поэтому находящийся во время кампании под следствием Навальный смог пройти через «муниципальный фильтр», так как местные депутаты от «Единой России» официально поддержали его выдвижение. По-видимому, Кремль собирался избавиться от Навального после выборов, но недооценил его потенциал, и результаты выборов превзошли практически все ожидания. По официальным данным Навальный набрал свыше 27% голосов против 51% у Собянина, который едва избежал

второго тура. Навальный справедливо счел, что время для «восстания масс» еще не пришло; он отменил послевыборные протестные акции, но призвал своих сторонников быть готовыми «жечь файеры» когда он призовет их к этому.

Вызовы и альтернативы оппозиции

В 1990 году американский политолог Альфред Степан рассуждал об уроках борьбы латиноамериканской оппозиции против авторитаризма для посткоммунистической Европы.² Четверть века спустя эти уроки выглядят весьма актуальными для современной России. Степан определял задачи оппозиционных акторов в плане демократизации авторитарных режимов следующим образом: (1) сопротивление кооптации со стороны режима; (2) сохранение зон автономии общества по отношению к режиму; (3) подрыв легитимности режима; (4) повышение цены авторитарного правления, и (5) создание убедительной демократической альтернативы режиму.

Подход Кремля, похоже, превращает в его врагов все больше граждан и организованных коллективных акторов, облегчая оппозиции выполнение первой и четвертой задач. Однако выполнение третьей и особенно, пятой задачи представляется более сложным. То, что эти задачи остались нерешенными, мешает оппозиции стать центром консолидации для не согласных с режимом сил и для независимых социальных акторов. Те политические и экономические акторы, которые дистанцируются от Кремля и от системной оппозиции, пока не склонны поддерживать оппозицию несистемную; аналогичным образом поступает и значительная часть тех субэлит, которые по тем или иным причинам не согласны со стратегическими ориентирами Кремля. Относительная изоляция оппозиции происходит не только в силу действий властей, но и из-за того, что многие россияне не воспринимают ее в качестве жизнеспособной альтернативы режиму. Даже для некоторых критиков Кремля сохранение политического статус-кво рассматривается как меньшее зло по сравнению с возможным коллапсом режима, который отнюдь не обязательно принесет позитивные изменения.

Кроме того, популистская стратегия, лежащая в основе негативного консенсуса, препятствует формированию позитивной повестки дня. В отличие от правящей элиты, оппозиции не всегда выгодна преднамеренно размытая и уклончивая позиция по глубоко разделяющим общество политическим вопросам и проблемам выбора курса. В то же время занятие более однозначной позиции размывает установившийся негативный консенсус.

Наконец, российским оппозиционерам, обличающим режим и призывающим к отставке Путина, ещё только предстоит вплотную заняться фундаментальной ревизией навязанных Кремлем ключевых правил игры, таких как — (1) монополия президента на принятие ключевых политических решений, (2) отказ от электоральной конкуренции элит и (3) фактически иерархическая подчиненность региональных и местных органов управления центральным властям («вертикаль власти»). Оппозиция открыто и прямо не заявляла о том, что ее ключевой целью является отказ от этих элементов нынешней системы, её позиция по этим вопросам остается расплывчатой и неконкретной, таким образом демонстрируя

² Alfred Stepan, “On the Tasks of Democratic Opposition,” *Journal of Democracy*, 1, 2 (1990), 41-49.

разрыв между популистским политическим предложением оппозиции и спросом со стороны российского общества.

Эти вызовы стали более заметны в 2014 году после аннексии Крыма Россией и последовавшего затем углубления конфликта вокруг Украины между Россией и Западом. Развитие событий, спровоцированное агрессивной внешней политикой России, стало для оппозиции серьезным ударом. Начиная с марта 2014 года, не только резко возрос масштаб дискредитации оппозиции и связанных с этим угроз и репрессий против нее, но изменилась и политическая повестка дня. На фоне того, что российское общество в основном одобряет политику Кремля по отношению к Крыму, Украине и Западу, оппозиция утратила инициативу. С одной стороны, негативный консенсус против режима ослаб (если не исчез совсем): лишь часть несистемной оппозиции открыто отвергает политику Кремля. С другой стороны, организационно и стратегически слабая оппозиция не сумела предложить альтернативных решений проблем страны и сделать их достоянием общественности. Влияние оппозиции на внутривнутриполитическую повестку дня (не говоря уже о повестке международной) сократилось, а жесткая атака Кремля на «пятую колонну» не встречает особого сопротивления. В результате оппозиционным партиям и кандидатам не было позволено участвовать в проводимых в сентябре 2014 года региональных выборах, а организационный потенциал оппозиции и сама ее способность выступать в качестве центра притяжения несогласных с режимом оказались под вопросом.

Несмотря на высокий уровень массовой поддержки Кремля в данный момент, общественный спрос на перемены, скорее всего будет, со временем возрастет. Однако, нынешнее ослабление активности лидеров протестов 2011-2012 годов означает, что этот спрос, возможно, будет удовлетворяться другими выступающими против режима акторами и под другими (причем вовсе не обязательно демократическими) лозунгами. В любом случае вызов авторитаризму в России может возникнуть только снизу, если оппозиция сможет объединиться и мобилизовать большое число противников режима. Негативный консенсус против сложившегося статус-кво является необходимым, но недостаточным условием для такой мобилизации. Примеры смены режима в других странах показывают, что для достижения оппозицией своих целей она должна сотрудничать с множеством социальных групп и с потенциальными союзниками внутри элит. Пока слишком рано говорить о том, способна ли российская оппозиция использовать новые возможности, если и когда они возникнут. Однако, не стоит сбрасывать со счетов влияние смены поколений: новые лидеры оппозиции вполне могут извлечь уроки из опыта своих предшественников. Главный лозунг оппозиционных митингов «Россия будет свободной!» следует воспринимать не только как призыв к действиям, но и как ключевой тезис российской политической повестки в обозримом будущем. Россия действительно будет свободной страной; вопрос заключается лишь в том, когда, как и какой ценой.